

РЕГУЛЯРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИЛИ «ХАОС»:**Вопрос об узусе смешанной языковой разновидности
на примере белорусской «трасянки»***

© 2016

Герд Хентшель

Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, D-26111, Германия
gerd.hentschel@uni-oldenburg.de

Современные языковые субстандарты отличаются высокой степенью вариативности. В европейском языковом пространстве их часто рассматривают как смешанные диалекты (региолекты, городские диалекты и т. п.), сочетающие в себе элементы литературных языков (суперстрата) и «старых», исконных диалектов соответствующих регионов (автохтонного субстрата). Современному смешанному субстандарту в Белоруссии, так называемой «трасянке», присущи и русские, и белорусские характерные черты. В качестве автохтонного субстрата на смешанный субстандарт «трасянки» влияют белорусские диалекты. Основным суперстратом при этом является русский, т. е. доминирующий в стране литературный язык, а не белорусский, поскольку последний занимает в повседневной жизни большинства белорусов периферийное положение. Однако и он, будучи, например, учебным предметом в школах и вузах, оказывает на «трасянку» определенное влияние как адстрат.

Многие люди, говорящие на таких смешанных субстандартах, могут в своей речи довольно свободно перемещаться от литературного полюса к диалектному. В белорусском языковом пространстве это перемещение между русским и белорусским полюсами, с определенной асимметрией в пользу русского. В данной статье обсуждается, в чем вообще может заключаться узус в таких субстандартах, составляющими которых могут быть в принципе все возможные варианты всех участвующих языковых разновидностей (включая и специфические варианты нового смешанного субстандарта). Как выявляемые регулярности в белорусско-русской смешанной речи в статье описываются иерархии, базирующиеся на различной частотности употребления в ней русских и белорусских вариантов разных структурных переменных. В статье показано, что, несмотря на многочисленные различия в частоте употребления различных вариантов, эти иерархии чрезвычайно стабильны как в разных коммуникативных ситуациях (в семейных разговорах и в интервью с различными респондентами) и у различных групп говорящих (с ориентацией их субстандарта на белорусский или же русский полюс языкового пространства Белоруссии), так и в разных городах. Соответствующая «средняя» позиция социального субстандарта определяется, таким образом, по типичным иерархическим образцам количественного распределения вариантов различных структурных переменных.

Ключевые слова: белорусско-русский языковой контакт, квантитативно-вариационная лингвистика, контактная лингвистика, смешанные языки, смешение кодов, социолингвистика, трасянка

REGULAR VARIATION OR «CHAOS»:**The question of usus in mixed linguistic varieties —
the case of Belarusian «Trasyanka»**

Gerd Hentschel

Carl von Ossietzky University, Oldenburg, D-26111, Germany
gerd.hentschel@uni-oldenburg.de

* Данная статья является существенно измененным и дополненным вариантом статьи [Hentschel 2013], представленной в качестве доклада на XV Международном конгрессе славистов (Минск,

Linguistic subvarieties (social dialects) in modern societies show, as is well known, a high degree of variation. At least in the European context they may often be described as mixed dialects (regiolects, urban dialects, mesolects, etc.) including linguistic traits of the standard language (superstratum) and of «old» local dialects of corresponding regions (autochthonous substrata). The contemporary mixed subvariety in Belarus, the so-called «Trasyanka», contains Belarusian as well as Russian traits. The primary sources for the Trasyanka are, first, local Belarusian dialects as autochthonous substrata and, second, Russian as the superstratum, since it is the dominating standard language in everyday life of Belarusian society. In this context Standard Belarusian plays only a peripheral role, but being taught in schools and institutions of higher education it still has a certain influence on the mixed subvariety, as an adstratum.

Many speakers of such mixed varieties can shift freely from the «standard pole» to the dialectal one. In the Belarusian landscape this means shifting between the Belarusian and the Russian poles, with a certain asymmetry favouring the Russian pole. The topic of this paper is the question of what can be seen as the *usus* (uncodified norm) in mixed subvarieties comprising in principle variants of all linguistic «donor» varieties spoken in the society (as well as specific variants of the mixed Trasyanka itself). Certain hierarchies are described that are based on token frequency of Belarusian and functionally corresponding Russian variants of structural variables. It is shown that, in spite of many differences in token frequency, these hierarchies are very stable in different communicational settings (family conversations and interviews), in different groups of speakers (with differences in the degree towards the Belarusian or Russian pole in the linguistic landscape of Belarus) and even in different towns. The corresponding «middle position» of the social substandard is thus to a large degree determined by typical hierarchical patterns of the quantitative distribution of variants of a vast amount of structural variables.

Keywords: Belarusian-Russian language contact, contact linguistics, language mixing, mixed languages, quantitative-variationist paradigm, sociolinguistics, Trasyanka

Wir sind bisher immer darauf aus gewesen die realen Vorgänge des Sprachlebens zu erfassen. Von Anfang an haben wir uns klar gemacht, dass wir dabei mit dem, was die deskriptive Grammatik eine Sprache nennt, mit der Zusammenfassung des Usuellen, überhaupt gar nicht rechnen dürfen als einer Abstraktion, die keine reale Existenz hat. Die Gemeinsprache ist natürlich erst recht eine Abstraktion¹
[Paul 1880/1920: 404].

Введение

Белорусско-русская смешанная речь (БРСР)², подобно украинско-русской смешанной речи (УРСР), является высоковариативным образованием. В этом они схожи с русским просторечием (РП), об исследовании которого немецкий славист Г. Яхнов писал следующее:

август 2013). Автор выражает благодарность за помощь в подготовке русского текста своим ольденбургским коллегам: Н. Кравченко, О. Палинкой и И. Н. Смирнову.

¹ «До сих пор мы неизменно старались постичь реальные процессы, происходящие в жизни языка. Еще в самом начале книги мы уяснили себе, что та совокупность узусов, которую описательная грамматика называет языком, является просто абстракцией, не имеющей соответствия в реальной действительности. Ясно, что койнэ и подавно является абстракцией» (пер. с нем. А. А. Холодовича, цит. по [Пауль 1960: 474]).

² К вопросу о терминологии: использование в этой статье термина «белорусско-русская смешанная речь» мотивировано тем, что это речь, в которой лингвисты могут определить внутри отдельных высказываний (обычно предложений) языковые знаки и конструкции, которые на фоне соответствующего литературного языка или территориального варианта языка могут быть классифицированы как белорусский, русский или гибридный. То, до какой степени эта смесь является конвенционализированной и, таким образом, на какой «гибридной» систематике базируется или же возникает в результате спонтанного смешения элементов из двух усвоенных говорящим систем (белорусской и русской), является одним из основных вопросов данной работы и предварительных исследований, на которых она основана. Мы избегаем использовать более распространенный белорусский термин «трасянка» из-за его негативной коннотации в Белоруссии, кроме случаев ссылок на исследования с использованием этого термина.

«Продолжающийся до сегодняшнего дня мещанский пуританизм языкознания по отношению к интересному и серьезному предмету (...) несомненно представляет собой еще одну причину того, что просторечие оставалось до настоящего времени малоисследованным» [Яхнов 1987: 87—88].

Подобное справедливо ныне и для БРСР, которая, как известно, пренебрежительно называется в стране «трасянкой», в виду отсутствия в «отечественной» белорусской лингвистике широкого и систематического эмпирического исследования этого явления на базе современных социолингвистических теорий и методов. Конечно, существует ряд трудов белорусских лингвистов, например, [Цыхун 1998; 2000] и [Мечковская 1994; 2005; Мячкоўская 2007]³, однако они основываются только на нестрогом наблюдении⁴.

Существуют и другие аналогии между БРСР и РП, проводимые в соответствующих трактовках «отечественных» белорусских и русских языковедов. В 1980-х гг. РП понималось как временное явление; ср. [Яхнов 1987: 91]. В советской России с ростом культуры и распространением русского литературного языка РП должно было быть вытеснено. Это произошло бы к явной радости всех школьных и вузовских русистов — преподавателей курса «Культура речи». Правда, и по сегодняшний день об исчезновении РП не сообщается. Также и на БРСР можно было бы смотреть как на временное явление (правда, уже существующее, по крайней мере, много десятилетий, ср. [Хентшель 2015: 172]). Тогда это было бы явлением смены языка белорусским обществом — переход от белорусского к русскому, — к глубокому огорчению белорусских белорусистов и многих друзей белорусского языка (включая автора данной статьи). С другой стороны, БРСР могла бы существовать даже в случае полного исчезновения белорусского языка (литературного и диалектного) из активного употребления белорусов. В таком случае БРСР стала бы местной разновидностью со специфично белорусским колоритом под «крышей» русского языка; ср. [Hentschel, Tesch 2006: 240—241; Хентшель 2015: 176—178]. Белорусский язык и сегодня употребляется крайне редко [Хентшель, Киттель 2011]. И молодые белорусы в основном все больше приближаются к русскому языку и употребляют БРСР не только меньше, чем старшие поколения, но и более ограниченно относительно коммуникативных ситуаций и частоты в общем; см. [Hentschel et al. 2015]⁵.

Общим для РП и БРСР является и то, что они стигматизованы, а их носители представляются малообразованными, если не бескультурными людьми. Развитию стигматизации БРСР, т. е. «трасянки», поспособствовало в значительной степени также и белорусское языкознание. С. Запрудский [Запрудский 2009; Zaprudski 2014] в числе других приводит следующие высказывания: Г. Цыхун утверждает, что «культываванне трасянки паралізуе моўную здейнасць індывідуума» (культивирование трасянки парализует языковую деятельность индивида), Л. Семешко приходит к выводу, что БРСР приводит к «разрушению обеих систем», Б. Плотников считает, что «трасянкавае маўленне і непрывабнае, і непрыгожае нават

³ Эти и другие соответствующие работы обоих авторов заново изданы в [Cychun 2013] и в [Мячкоўская 2008]. В сборнике [Hentschel et al. 2014a] представлен общий обзор и критический анализ современного исследования БРСР и УРСР («суржика») [Hentschel 2014b].

⁴ Автор данной статьи как славист-языковед вместе со своим коллегой социологом Бернгардом Киттелем (Венский университет) в сотрудничестве с Белорусским государственным университетом, в частности, с Сергеем Запрудским (белорусистика) и Давидом Ротманом (социология) осуществлял с 2008 г. по 2014 г. научно-исследовательский проект «Трасянка в Белоруссии — смешанный код как продукт белорусско-русского языкового контакта. Языковое структурирование, социолингвистические механизмы идентификации и “экономика” языка» при поддержке фонда Volkswagen-Stiftung в рамках программы «Единство в многообразии». Полный список работ, опубликованных в рамках данного проекта, можно найти здесь: <http://www.uni-oldenburg.de/slavistik/forschung/sprachwissenschaft/schwerpunkt-mischvarietaeten/publikationen-wrgr/#c6895>. Созданные в рамках проекта корпуса белорусско-русской смешанной речи со всеми данными представлены для свободного доступа здесь: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/>.

⁵ Конечно, сегодня некоторые молодые белорусы совершенно сознательно переходят на белорусский язык; ср. [Woolhiser 2013]. Однако о масштабах такого явления ничего не известно.

з пункту гледжання яго гучання» (речь на трасянке и неприглядна, и некрасива даже с точки зрения ее звучания), А. Михневич полагает, что «трасянка — гэта шкодны вынік дрэннага валодання сваёй, роднай мовай і іншымі» (это вредный результат плохого владения своим родным языком и другими), в то время как С. Прохорова дает трасянке даже такое определение: «Трасянка — это чудовищная смесь языков — не только показатель низкого культурного уровня страны — это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах». Конечно, С. Запрудский затрагивает и полемику вокруг БРСР со стороны нелингвистов. З. Позняк, как известно, высказался следующим образом: «Паўмова трасянка — галоўная прычына абмежаванага культурнага ўзроўню» (Полуязык *трасянка* — главная причина ограниченного культурного уровня). Позняк даже оспаривает полноценное умственное развитие говорящих на трасянке; см. [Brüggemann 2014: 162].

С одной стороны, очевидно, что имеются индивиды, которые могут использовать только РП либо только БРСР как средство языковой коммуникации. То есть в случае РП они не в состоянии разделить русский литературный язык, с одной стороны, и (автохтонные) русские говоры и другие нелитературные варианты национального языка, с другой стороны; ср. [Яхнов 1987]. В случае БРСР такие говорящие не могут использовать один из двух литературных языков «в чистой форме» (хотя бы в том или ином разговорном варианте). Это, кстати, явная примета того, что речь идет о самостоятельном коде со своей системой, хотя и очень вариативной. У таких говорящих речь не идет о некоем исключительно спонтанном смешении элементов и конструкций двух языковых систем (русской и белорусской), освоенных индивидами, а о некоем коде с крайне широкой степенью свободного варьирования между языковыми элементами, знаками и конструкциями, которые в случае БРСР с точки зрения дескриптивной лингвистики более или менее точно можно определять как белорусские, как русские или как гибридные. (Однако иногда такого разграничения провести нельзя, и соответствующие элементы должны быть описаны как общие, см. ниже.) С другой стороны, нельзя упускать из виду, что многие белорусы используют БРСР диглосно-факультативно по отношению к русскому языку (намного реже — к белорусскому), что встречается даже у людей с высшим образованием (ср. [Хентшель, Киттель 2011], а также [Hentschel, Zeller 2013]). Конечно, можно так же, как [Liskovets 2009], определять «трасянку» как смешанную белорусско-русскую речь тех, кто не в состоянии говорить ни на «чистом» русском, ни на «чистом» белорусском языке. Говорящие, которые могут практиковать только смешанную речь, сколько бы их ни было в Белоруссии, действительно могут быть только малообразованными людьми. Но, во-первых, при таком подходе утверждение, что «трасянка» или БРСР — это признак отсутствия образования и культуры, приводит к порочному кругу, так как отсутствие образования (минимальное или неполное владение литературным языком) уже имплицировано в «определении». Такое определение хотя и «правильно», но тривиально. Во-вторых, такая псевдодефиниция скрывает истинные размеры БРСР в белорусском обществе, поскольку систематически игнорирует БРСР у более образованных, т. е. у тех, кто хорошо владеет русским языком, хотя и с некоторыми ареальными признаками. Что касается просторечия, то на сегодняшний день в России признали факт его распространения в качестве региолекта (в смысле, представленном в [Герд 1998]⁶), т. е. типа смешанной речи, образованного на основе литературного языка и местных диалектов, также и у населения с хорошим образованием, особенно в малых и средних городах, ср. [Крысин 2001: 93], в чем проявляется еще одна параллель с БРСР.

БРСР и РП объединяет и то, что отечественное языкознание «обвиняет» их в «несистематичности», что, по-видимому, должно значить, что в их основе нет никакой системы. Аргументация по отношению к БРСР, которая здесь особенно интересна (о РП см. [Яхнов 1987: 90—92]), приблизительно такова: утверждают, что БРСР лишена узуса, что она конгломерат спонтанно и по-разному русифицированных (т. е. изначально белорусских) идиолектов

⁶ А. С. Герд [2005: 22] приходит к выводу, что региолект не полностью совпадает с городским просторечием, что, однако, не является релевантным для данной работы.

(так, например: «Трасянку составляют множество стихийно и по-разному русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи» [Мечковская 1994: 313]; или: «Трасянка, т. е. стихийно и по-разному русифицированные варианты национального языка» [Мечковская 2000: 108]). А поскольку узус отсутствует, то вопрос о системности не стоит. К этому мнению присоединяется также Г. Цыхун [Cychun 2014]⁷. Вполне очевидно, что оба ученых понимают узус как общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц. Подразумевается, что окказиональное или индивидуальное использование языковых единиц рассматривается как находящееся за пределами узуса. Если — как считает Н. Б. Мечковская — использование в БРСР функционально эквивалентных (в широком смысле) белорусских и русских языковых единиц абсолютно спонтанно или индивидуально и поэтому абсолютно непредсказуемо, следовало бы принять отсутствие узуса: конечно, было бы ошибочно утверждать, что у носителей БРСР общепринятой является высокая степень вариативности и она при этом полностью спонтанна и индивидуальна, а появление конкурирующих белорусских и российских единиц совершенно непредсказуемо. Однако возникает вопрос о том, может ли гипотеза о чисто спонтанной, индивидуальной, непредсказуемой или, если угодно, хаотической вариативности быть эмпирически подтверждена. Тем не менее не подлежит сомнению, что количество переменных, которые выявляют в БРСР «белорусско-русскую вариацию», (может быть) очень велико. В принципе, есть все структурные переменные, в которых различаются белорусский и русский языки, несмотря на структурное сходство.

Ввиду того, что на сегодняшний день в Белоруссии нет широкого и систематического эмпирического исследования, БРСР остается неясным, на чем основано столь категорическое утверждение отсутствия узуса в БРСР. В [Cychun 2014] высказана мысль, что даже не стоит проводить широкого эмпирического и количественного исследования БРСР. Это, естественно, резко противоречит позиции западной социолингвистики, базирующейся на подходе Уильяма Лабова, известного сегодня под флагом «вариационистской парадигмы» и в значительной мере использующего методы количественного анализа. Социолингвистические исследования во многих языковых ареалах показали, что современные языковые субстандарты (социолекты и т. д.) отличаются от других форм этого же языка не столько качественно, сколько количественно [Romaine 1994: 70]. Это значит, что у говорящих на языковых субстандартах можно встретить, как правило, многие, если не все, варианты языковых переменных, имеющиеся в данном языке, однако в данных разновидностях этого языка наблюдается специфический образец частотности употребления того или иного варианта. Как раз об этом идет речь еще в первых работах 1960-х гг. У. Лабова⁸. В случае русского просторечия Л. П. Крысин [2001: 94 и сл.] описывает различные явления стабилизации.

Кроме того, Дж. Чемберс [Chambers 2002: 350—351] показывает, что говорящие осознают, какое количественное соотношение вариантов разных переменных является уместным в зависимости от социальных параметров (принадлежность к определенному классу, социальные характеристики языковой ситуации и т. д.). В случае белорусских говорящих, хорошо владеющих русским языком (а отчасти также и белорусским языком), которые к тому же в некоторых коммуникативных ситуациях используют БРСР, есть представление (конечно, не у всех конгруэнтное, см. [Hentschel, Zeller 2013]), какой из вариантов разных переменных уместен в стереотипной смешанной речи. Это явление

⁷ В Белоруссии, пожалуй, только И. Климов [Klimay 2014] признает развитие узуса в белорусско-русской смешанной речи, которую он называет полудиялектом. Похожим образом американский коллега К. Вулхайзер [Woolhiser 2014] также говорит о койнеизации «трасянки». Подобная дискуссия ведется и об украинском суржике. Л. Масенко [Masenko 2014] занимает такую же позицию, что и Г. Цыхун и Н. Мечковская, отрицая наличие узуса и системности. Но есть и целый ряд специалистов по суржику, отмечающих его стабилизацию, конвенционализацию и системность, даже если она и частична: например, украинские исследователи О. Тараненко [Тараненко 2013; Taranenko 2014] и Н. Шумарова [Šumarova 2014], а также зарубежные, такие как М. Флайер [Flier 2008] и С. Дель Гаудио [Del Gaudio 2010].

⁸ Обзор применения количественных подходов в исследованиях вариативности и языковых изменений предлагает [Bayley 2002].

конвенционализированного смешивания (о нем речь пойдет в аналитической части статьи). Исходя из этого представления они могут «стилизовать» собственную смешанную речь в сторону белорусского или русского языков, что говорит о спонтанном смешивании. При этом надо учесть, что многие белорусы начали говорить именно на БРСР [Хентшель, Киттель 2011]. Приобретение же русского и белорусского языков заключалось в развитии способности НЕ употреблять одних вариантов (лексем, окончаний, конструкций и т. п.) в русскоязычных ситуациях, а других вариантов — в белорусскоязычных ситуациях. То есть их русский и (насколько он развит) белорусский языки основываются на БРСР, а не наоборот, как чаще всего принято предполагать; см. [Хентшель 2013: 61—62; 2015: 178—179].

Еще в конце XIX в. младограмматик Герман Пауль признавал (см. эпиграф), что узус — это некая абстракция, описывать которую стоит путем наблюдения за реальными процессами, происходящими в жизни языка. Но если «реальные процессы» в какой-либо разновидности языка проявляются очень масштабно в виде свободного варьирования, то лингвистика сталкивается с проблемой. Немецкие социолингвисты Й. Людке и К.-Й. Маттайер [Lüdtkke, Mattheier 2005: 16] определяют языкознание XIX и XX вв. как враждебное вариативности и констатируют, что свободное варьирование было вытеснено на периферию языковой теории. Структуралистские и ранние генеративные подходы до такой степени ориентированы на язык (*langue*) либо языковую компетенцию (*competence*), что свободное варьирование, распределение вариантов в котором нельзя увидеть «невооруженным глазом», быстро превращается в явление речи (*parole*) либо употребления (*performance*). Подходы вроде [Weinreich et al. 1968: 99—100], которые квалифицируют вариативность как «структурную гетерогенность», часто не находят большого отклика у «системных» языковедов.

Представления о гомогенности и даже требования такой гомогенности доминируют в лингвистике также из-за распространения в XX в. по политическим причинам литературных языков, что понимается как рост культуры. Тем не менее в повседневной речи именно «широких масс», основанной, например, на немецком, французском, польском или русском литературных языках, вариативность значительно выше, чем представляется в научной литературе, где основное внимание уделяется вариантам, которые являются семантически, стилистически, профессионально, социально или территориально обусловленными в рамках нормы; см. [Крысин 2007: 10—11].

Еще более определенно выражены представления о гомогенности в отношении автохтонных, сельских говоров; ср. [Lüdtkke, Mattheier 2005: 19]. Конечно, здесь возникает вопрос, в какой мере эта нигилизм на сегодняшний день гомогенности обусловлена имплицитным методом традиционной, неколичественной диалектологии, которая при описании отбрасывает все, что в диалектной речи ощущается как чужое, как неавтохтонное, а также вопрос, существуют ли в настоящее время в Европе сельские говоры, на которые литературные языки не оказывают влияния.

Итак, можно привести некоторые доводы в пользу того, что не только «буржуазное пуританство», но и совпадение двух явлений: а) социального — широкого распространения литературных языков, выступающих как культурные и официальные языки, чему сопутствует редукция вариативности, и б) научно-исторического — возникновения структурализма с его представлением о языке как о закрытой системе (и, в пражской интерпретации, как системе функционально релевантных единиц) — вызвало некоторое пренебрежение всеми формами вариативности, отличными от позиционной и — в литературных языках — явно стилистической. И такое пренебрежение вариативностью свойственно не только русской, белорусской и украинской лингвистике.

Как бы то ни было, совершенно ясно, что в литературных языках, чьи позиции в обществе прочны (к которым белорусский, как известно, явно не принадлежит), узус является определенно более гомогенным, чем в двуязычном смешанном идиоме, как, например, в БРСР, если, говоря о литературном языке, иметь в виду варьирование в пределах нормы.

Вполне может быть, что и сегодня разнообразные автохтонные говоры в немобильных деревенских микросообществах характеризуются устойчивым локальным узусом. По всей

Европе, однако, отмечено, что литературные языки в возрастающей мере влияют на диалекты и говоры (если первые не вытесняют последние), что также связано с увеличением степени владения литературными языками. И это, естественно, влечет за собой различные случаи варьирования диалектных и литературных элементов в устной (диалектной) речи⁹.

В эмпирической части работы будет исследован вопрос, является ли вариантность между белорусскими и русскими элементами в БРСР действительно полностью спонтанной и индивидуальной, как это воспринимается в первую очередь в белорусском языкознании, или можно показать закономерности в их распределении, которые можно рассматривать как общепринятые регулярности варьирования.

1. Эмпирическая основа

Анализ основан на материале корпусов, созданных в рамках вышеуказанного проекта. Исчерпывающее описание этих корпусов представлено в [Hentschel et al. 2014b; Хентшель и др. 2016]¹⁰.

Кратко охарактеризовать корпусы можно следующим образом. Одним из них является «семейный корпус»: это записи и транскрипции разговоров в семьях из следующих семи городов: Октябрьский (ak), Барановичи (ba), Хотимск (ch), Минск (mi), Рогачев (ra), Сморгонь (sm), Шарковщина (sa). Обоснование выбора: на территории трех общепризнанных диалектов белорусского языка (северо-восточного, юго-западного, центральной переходной зоны) было выбрано по одному городу на востоке и на западе соответствующего региона. Минск был выбран дополнительно, как седьмой город, поскольку единственное в первом десятилетии этого века исследование, имеющее сравнительно большой эмпирический материал [Лисковец 2002; 2006], было основано на «минской трясанке». Второй частью корпуса являются записи и транскрипции так называемых открытых интервью (точнее, фрагменты интервью, где говорят на БРСР) приблизительно с 5—10 респондентами из тех же городов¹¹ — они составляют «корпус интервью». Респонденты семейного корпуса, естественно, находятся в тесном контакте между собой и образуют одно из нескольких «community of practice» [Meyerhoff 2002], членами которого являются все индивиды. Респонденты корпуса интервью не имеют контакта ни с ними, ни между собой. Такое распределение важно: если в отдельных семьях, а также у интервьюируемых в разных городах наблюдаются одинаковые или очень похожие явления, то их можно рассматривать как характеристику смешанной белорусско-русской речи в целом.

Объем семейного корпуса составляет около 212 000 словоформ (или в среднем около 30 000 словоформ на каждый из семи городов), объем корпуса интервью — около 170 000 словоформ (в среднем почти 30 000 на каждый из шести городов).

⁹ В. М. Курцова [2010] ссылается также на влияние литературного языка на белорусские говоры, но со стороны не белорусского, а русского. Конечно, это не удивительно, если принять во внимание господство русского в системе образования и СМИ, а также влияние на говоры индивидов, уже перешедших на русский язык.

¹⁰ Документация существует на немецком и на русском языках. Она, а также и сами корпусы в формате PDF (без аннотации) и в формате СНАТ с полной аннотацией всех словоформ относительно их структурного сходства с белорусским или русским языком представлены для свободного доступа здесь: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/>.

¹¹ Здесь нужно упомянуть два исключения. (а) В Минске в интервью языковые данные не были получены. Хотя все респонденты интервью отбирались по критерию постоянного или, по крайней мере, регулярного использования БРСР в быту, минские респонденты не показывали никакой склонности к использованию БРСР в интервью, в отличие от респондентов в других городах. (б) Вместо города Барановичи (отраженного в семейном корпусе) для интервью, которые были проведены только через год после записей в семьях, был выбран соседний город Слоним (sl), поскольку на тот момент в Барановичах нельзя было привлечь местного интервьюера.

2. Рассматриваемые феномены и степень вариативности

О БРСР обычно говорят, что ее звуковая сторона преимущественно белорусская, лексика преимущественно русская, а морфология занимает позицию между ними; см., например, [Лисковец 2006: 81 и сл.] и [Цыхун 2000]. В данной работе рассматриваются обе крайние области — звуковая и лексическая. Лексическая область при этом дифференцируется на так называемые функциональные слова и лексические слова¹². Первые здесь условно определены как неизменяемые и не относящиеся к предлогам¹³, т. е. служебные и дейктические. Из наречий в эту группу включены только морфологически самостоятельные (а не, например, отадъективные). Лексические слова также произвольно ограничены полноточными существительными, глаголами и прилагательными. Для вышеупомянутых областей здесь не проводится детальный анализ отдельно исследованных переменных с их вариантами — он представлен в [Генчэль 2013; Hentschel, Zeller 2014; Hentschel 2014c]. В названных работах не только исчерпывающе излагаются анализ и результаты, но и подробно прокомментирован выбор переменных. В настоящей работе обсуждаются, скорее, общие образцы дистрибуции, полученные на основе указанного детального анализа.

Для обеих областей, фонетики (фонологии) и лексики, проконтролированы следующие параметры вариативности: во-первых, сравниваются результаты анализа семейного корпуса, т. е. непринужденной речи в кругу близких людей (не только родственников, но и друзей), с результатами анализа корпуса интервью. Естественно, интервью с чужим человеком — интервьюером — является менее приватной разговорной ситуацией, несмотря на то что оно проводилось в квартире респондентов. Во-вторых, типы говорящих сопоставляются друг с другом на основе данных семейного корпуса, описанных в [Hentschel, Zeller 2013: 142—144]¹⁴, см. табл. 1.

Таблица 1

Типы говорящих и характеристики выбора кода

Тип говорящих	Характеристика употребления кодов	Кол-во говорящих
ГБ	Высокая частотность как «гибридных» ¹⁵ , так и «белорусских» высказываний, низкая частотность «русских» высказываний.	10
Г	Явное преобладание «гибридных» высказываний как над «русскими», так и над «белорусскими».	23
ГР	Высокая частотность как «гибридных», так и «русских» высказываний, низкая частотность «белорусских» высказываний.	25
Р	Явное преобладание «русских» высказываний как над «гибридными», так и над «белорусскими» высказываниями.	12 ¹⁶

¹² Теоретически обоснованное разграничение по дефинициям функциональных и лексических слов не является задачей этой статьи.

¹³ Предлоги имеют смысл исследовать только в связи с формально управляемыми ими существительными, прилагательными и т. д., ср. [Tesch 2014: 56], и в связи с лексическими единицами, управляющими ими.

¹⁴ В этой работе также представлены корреляции данных типов говорящих с такими социальными критериями, как возраст, образование, миграция из деревни в город и т. д.

¹⁵ Что касается принципов классификации тех или иных элементов (или конструкций) как «белорусских», «русских», «гибридных» или «общих», то у столь близкородственных и структурно похожих языков, какими являются белорусский и русский, такая классификация во многих случаях «интуитивно» невозможна и требует теоретической основы (на что указывал еще А. Е. Супрун [1987: 16], ср. детали в [Hentschel 2008a: 179—188]). При ссылке на принятый алгоритм классификации в тексте данной работы соответствующий эпитет стоит в кавычках, например, «белорусский».

¹⁶ В сумме эти числа составляют 70 респондентов. Это более чем половина всех 130 респондентов. Здесь учтены «центральные» респонденты, записи речи которых составляют более 90% собранного

В-третьих, будут сравниваться между собой города, в которых были собраны данные. Методика сравнения будет объяснена при анализе.

3. Анализ

В области фонетики будут проанализированы девять переменных (звуковых явлений), которые относятся к числу основных различий между белорусским и русским языками. Здесь их необходимо кратко¹⁷ описать, поскольку они не столь самоочевидны, как лексические переменные, которые можно назвать с помощью вариантов или слов.

Фонетические переменные следующие:

Ф1 блр. цеканье/дзеканье [tsʲ]/[dzʲ] vs. русск. мягкие [tʲ]/[dʲ];

Ф2 блр. фрикативные [ɣ/ɣʲ] vs. русск. взрывные [g/gʲ] (и их глухие соответствия при контекстуальной утрате звонкости);

Ф3 блр. твердые [č/šč] vs. русск. мягкие [čʲ/ščʲ] (и их звонкие соответствия при контекстуальном озвончении);

Ф4 блр. всегда твердый [ɾ] vs. русск. мягкий [ɾʲ] в противопоставлении твердому [ɾ];

Ф5 блр. [ɯ]/[ɯ] vs. русск. [v, (f)] перед согласным (ср. русск. *лав*[f]*ка* vs. блр. *лаў*ка с русск. *лавочка* и блр. *лавачка*);

Ф6 блр. яканье vs. русск. иканье (еканье), т. е. артикуляция первого предударного гласного как [a], [i] или [e] соответственно;

Ф7 блр. [ɯ] после предшествующих гласных vs. русск. [u]; ср. блр. *я ўжо* vs. русск. *я уже*;

Ф8 блр. [ɯ] vs. русск. [ɪ], например, в блр. *воўк* vs. русск. *волк*; блр. *быў* vs. русск. *был* (но блр. и русск. *толк*, *полк*);

Ф9 блр. протетический [v] перед (обычно ударным) губным гласным; например, блр. *вуха* vs. русск. *ух*; блр. *навука* vs. русск. *наука*; блр. *возера* vs. русск. *озеро* (однако не в именованиях, как, например, в блр. *унія*, *опера*).

Существенным критерием выбора лексических переменных являлась достаточная частотность их вариантов. Выбирались только такие переменные, которые встречались минимум 50 раз в обоих корпусах (и минимум 20 раз в каждом корпусе, независимо от их принадлежности к белорусскому или русскому языку). Таким образом были выбраны 33 переменные функциональных слов и 37 переменных лексических слов.

При анализе как фонетических переменных, так и обеих групп лексических переменных учитывались только такие высказывания из корпуса, которые являются гибридными — на уровне «первой» артикуляции, согласно А. Мартине (т. е. прежде всего морфонология, морфология и лексика). Лексически, морфологически и морфосинтаксически чисто русские предложения, имеющие, однако, белорусскую фонетико-фонологическую окраску, оценивались не как гибридные предложения, а как русские, и, таким образом, не учитывались так же, как и предложения, которые в этом смысле являются «чисто» белорусскими.

3.1. Семейные разговоры и интервью

На примере сравнения языкового материала из семейных разговоров и из интервью, прежде всего в отношении фонетических переменных, покажем методику представляемого здесь анализа при помощи таблиц, которые особенно информативны в плане лексической вариативности.

материала. Привлечение периферийных респондентов с менее чем 500 словоформами (это в среднем 100 высказываний) к типам говорящих могло бы дать случайные результаты.

¹⁷ Частичное комплексное распределение вариантов всех переменных исчерпывающе представлено в [Hentschel, Zeller 2014] также в диалектном и историческом аспектах. Ср. кроме того акустический анализ БРСР в [Zeller 2013a; 2013b; 2013c; 2015].

Таблица 2

Фонетические явления

пере- мен- ная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
Ф1	[tʲ, dʲ]	[tsʲ, dzʲ]	96,3	97,9	-1,6	14209	10494	1	1	0
Ф2	[g]	[ɣ]	96,0	97,3	-1,3	6324	5244	2	2	0
Ф3	[č, ʂčʲ]	[č, šč]	82,7	82,4	0,3	6151	4781	3	3	0
Ф4	[rʲ]	[r]	81,9	79,2	2,7	4744	3982	4	4	0
Ф5	[v] / _C	[ʋ/u] / _C	73,5	71,2	2,3	3858	3478	5	5	0
Ф6	иканье	яканье	58,3	50,8	7,5	7478	5228	6	7	-1
Ф7	[u] / V_	[ʋ] / V_	42,1	55,6	-13,5	2017	3180	7	6	1
Ф8	[ɫ]	[ʋ]	25,1	22,3	2,8	354	193	8	8	0
Ф9	ø/_u, o	[v]/_u, o	14,3	13,9	0,4	482	498	9	9	0

Три первые колонки представляют переменную: первая содержит ее название (сокращение), вторая — «русский», третья — «белорусский» вариант(ы). Обе следующие колонки (**доля блр. сем.** или **доля блр. инт.**) дают относительную частотность (в %), которой достигают «белорусские» варианты в семейных разговорах (**сем.**) и интервью (**инт.**). Доля русских вариантов может быть представлена разницей между 100% и процентами белорусских вариантов. Следующая колонка (**проц. разл.**) эксплицирует различия между долями в семейных разговорах и интервью. В следующих столбцах **кол-во сем.** и **кол-во инт.** зафиксировано абсолютное количество реализаций переменной в обоих корпусах — здесь отражено количество наблюдаемых случаев. Последние три столбца — колонки с величинами, которые будут играть важную роль в дальнейшей дискуссии. Под **R сем.** и **R инт.** отмечен ранг переменных на основе доли и частотности «белорусских» вариантов в обоих корпусах. Последняя колонка **R разл.** выражает разницу в ранге. Например, если стоит величина «0», то ранг в семейном корпусе и корпусе интервью одинаков; положительная величина свидетельствует о том, что ранг в семейном корпусе выше (цифра выражает количество позиций), чем в корпусе интервью; при отрицательной величине — наоборот.

Приведенная таблица четко показывает, что доли белорусских вариантов в семейных разговорах, с одной стороны, и в интервью, с другой стороны, практически не различаются, равно как и их ранги, которые только у двух переменных разнятся на одну позицию: «±1» у переменных Ф6 и Ф7. Только у этих двух переменных возникает некоторое явное различие в величинах доли белорусских вариантов. Интерпретация представленных результатов относительно фонетических переменных будет дана после соответствующего анализа функциональных и лексических слов. Однако уже и здесь очевидно, что выявленная частотность белорусских и русских вариантов девяти рассматриваемых фонетико-фонологических переменных в семейных разговорах и интервью, т. е. у совершенно разных групп людей, очень стабильна.

Кратко прокомментировать (в деталях, как отмечалось, см. [Hentschel, Zeller 2014]) следует различия относительно доли белорусских фонетических вариантов отдельных переменных, т. е. различия, представленные (как было сказано) в обоих корпусах подобным образом. Величина доли соответствующих белорусских вариантов отчасти предопределена, как установлено в [Hentschel, Zeller 2014], различными факторами. Одним из таких факторов является степень «морфонологизации» явления, т. е. связь определенного фонетического свойства с совершенно определенными морфами со столь же определенным значением или грамматической функцией. Чем выше оказывается такая степень, тем ниже доля «белорусских» вариантов и тем выше доля «русских», т. е., если угодно, русифицированность

данных переменных. Бесспорно признана в белорусистике только морфонологизация последних двух переменных, Ф8 и Ф9, а именно [ɫ] vs. [ɯ] и Ø vs. [v] перед ударными [u, o]. Однако и две (если не три) предыдущие переменные (Ф7, Ф6, а также Ф5) выявляют склонность к морфонологизации (что требует дальнейшего изучения)¹⁸.

Процитированное выше мнение языковедов о преимущественно белорусской фонетике БРСР подтверждается отчасти, т. е. с определенными ограничениями. Результаты, описанные выше для девяти переменных в «гибридных» высказываниях, практически не отличаются в тех отрывках корпуса, которые морфологически, синтаксически и лексически являются отчетливо «русскими» (ср. [Hentschel, Zeller 2014]), т. е. в «белорусском русском».

Рассмотрение лексической сферы следует начать с наблюдений в связи со вторым цитированным выше мнением, согласно которому лексика БРСР сильно русифицирована. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, нужно указать на несколько теоретических проблем, связанных с общим определением, которое дал еще А. Е. Супрун [1987: 16]: белорусский и русский тексты различаются только примерно в 20% слов. Поэтому чрезвычайно важно определить языковую принадлежность того или иного слова. С некоторыми неизменяемыми или изменяемыми лексическими единицами проблем не возникает: так, можно считать предлог *дзяля* ‘для, ради’ всегда однозначно белорусским, предлог *из* однозначно русским. Также все основы словоформ лексемы *папера* ‘бумага’ можно классифицировать как белорусские, а основы словоформ лексемы *бумага* как русские¹⁹. В случае с другими лексическими единицами это невозможно: союз *и* общий для обоих языков. И все словоформы таких существительных, как *ворона*, в обоих языках одинаковы. То, что безударные гласные /а, о/ в белорусском варианте так называемого аканья (не только в словоформах данного существительного) произносятся более открыто, чем в русском, не играет для лексического анализа никакой роли. Таким образом, все эти элементы следует охарактеризовать как «общие». Наконец, имеется большое число изменяемых лексем, одни словоформы которых следует описывать как «белорусские» или «русские», а другие являются «общими»: форма *буду* в 1 л. ед. ч. будущего времени от глагола ‘быть’ общая для обоих языков, что позволяет классифицировать ее как таковую, а не как «белорусскую» либо «русскую» и в силу этого также не относить ее к «белорусской» либо «русской» лексеме. Напротив, формы 3 л. ед. ч. будущего времени от глагола ‘быть’, как известно, различаются в двух языках: блр. *будзе* vs. русск. *будет*, что позволяет описать конкретную форму либо как «белорусскую», либо как «русскую» лексему. Кстати, формы инфинитива блр. *быць* vs. русск. *быть* или формы 2 л. ед. ч. будущего времени блр. *будзеш* vs. русск. *будешь* относятся в корпусе к словоформам, являющимся морфологически «общими», поскольку различие проявляется только в наличии цеканья или дзеканья вместо [tʲ] или [dʲ]. Однако цеканье и дзеканье, как было отмечено выше, являются феноменами белорусского акцента в произношении русских словоформ²⁰.

Количественные результаты для лексических переменных (сначала по функциональным словам, а затем по лексическим словам) представлены в табл. 3.

¹⁸ Относительно переменной Ф6 Т. Рамза [2011] отмечает, что в некоторых частотных белорусских лексемах [i] представляет собой морфологизированный вариант.

¹⁹ Здесь не учитываются крайне редкие случаи проявления белорусского морфонологического чередования (в данном случае *з* — *з*) в исконно русских лексемах, типа *бумазе* вместо *бумаге*; ср. [Менцель, Хентшель 2014: 52—55].

²⁰ Подробнее о проблемах межязыковой «лемматизации» см. в [Hentschel 2014a].

Таблица 3

Функциональные слова

пере- мен- ная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛФ1	здесь	тут ²¹	95,5	85,1	10,4	466	415	1	1	0
ЛФ2 ²²	нет	не	92,3	74,2	18,2	704	182	2	3	-1
ЛФ3	где	дзе	87,2	79,4	7,8	345	253	3	2	1
ЛФ4	ли	ці	86,7	66,7	20,1	83	30	4	5	-1
ЛФ5	тогда	тады	77,8	68,2	9,6	54	107	5	4	1
ЛФ6	как	як	75,4	62,4	13,0	1094	1045	6	6	0
ЛФ7	еще	яшчэ	67,6	54,1	13,5	691	451	7	8	-1
ЛФ8	нет(у) ²³	няма	66,5	48,1	18,3	191	189	8	10	-2
ЛФ9* ²⁴	почему	чаго	63,6	60,6	2,9	107	99	9	7	2
ЛФ10	или	ці	49,5	26,9	22,5	394	334	10	12	-2
ЛФ11	чтоб(ы)	каб	48,8	18,9	29,8	361	275	11	15	-4
ЛФ12	вот	во	45,7	19,9	25,9	2127	2228	12	14	-2
ЛФ13	сюда	сюды	44,4	24,0	20,4	117	100	13	13	0
ЛФ14	есть	ёсць	43,6	50,4	-6,8	227	234	14	9	5
ЛФ15	уже	ужо	35,2	28,4	6,8	1253	1145	15	11	4
ЛФ16	но	але	33,1	10,9	22,2	236	276	16	20	-4
ЛФ17*	будто	быццам	31,8	15,2	16,7	22	33	17	16	1
ЛФ18*	вместе	разам	31,0	11,1	19,8	42	36	18	19	-1
ЛФ19	даже	аж(но)	30,0	3,6	26,4	223	247	19	28	-9
ЛФ20*	очень	вельмі	29,2	13,0	16,2	89	161	20	18	2
ЛФ21	только	толькі	26,0	13,8	12,3	392	240	21	17	4
ЛФ22	пока	пакуль	15,5	9,4	6,2	103	64	22	21	1
ЛФ23*	опять	зноў	13,7	3,6	10,1	73	28	23	29	-6
ЛФ24	надо	трэба	7,6	6,8	0,9	641	340	24	24	0
ЛФ25*	сейчас	зараз	6,7	3,7	3,0	255	219	25	27	-2
ЛФ26	совсем	зусім	2,7	4,2	-1,5	37	24	26	26	0

Продолжение табл. 3 на с. 96

²¹ Замечание относительно вариантов *тут* и *не* в значении 'нет'. Разумеется, в русской разговорной речи или просторечии наречие *тут* и отрицательная частица *не* часто заменяют литературные варианты *здесь* и *нет*. Однако здесь варианты *тут* и *не* рассматриваются как «белорусские», так как в белорусском языке они характерны как для литературного языка, так и для диалектов. Кроме того, очевидно, что влияние просторечия на БРСР или трясанку выражено слабее, чем иногда принято считать. В работе [Brandes 2014] показано, что специфические черты просторечия в словозменении отражаются в смешанной речи только тогда, когда для белорусского литературного языка характерны аналогичные формы, например, притяжательное местоимение *ixний* по аналогии с просторечным *ихний* в противовес русскому *их*.

²² Ср. ЛФ8.

²³ Ср. ЛФ2.

²⁴ Переменные, которые в этой таблице маркированы знаком *, имеют в корпусе больше вариантов, чем здесь названо — в одном или обоих языках. Об этом см. детальное исследование в [Генцель 2013] и [Hentschel 2014c].

Продолжение табл. 3 со с. 95

пере- мен- ная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛФ27*	конечно	вядома	2,6	7,2	-4,5	151	237	27	23	4
ЛФ28	то есть	гэта значыць	2,4	0,0	2,4	41	42	28	32	-4
ЛФ29*	всегда	заўсёды	2,3	5,8	-3,5	43	69	29	25	4
ЛФ30	потом	потым	2,0	0,0	2,0	347	267	30	33	-3
ЛФ31*	потому	таму	1,1	8,6	-7,5	184	209	31	22	9
ЛФ32	да	так	1,1	2,1	-1,1	472	422	32	30	2
ЛФ33	тоже	таксама	0,3	0,3	0,0	332	382	33	31	2

Таблица 4

Лексические слова

пере- мен- ная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛЛ1	отец	бацька ²⁵	92,3	59,7	32,6	91	77	1	2	-1
ЛЛ2	парень	хлопец	91,4	87,2	4,2	105	39	2	1	1
ЛЛ3	слушать	слухаць	59,6	35,7	23,9	57	28	3	3	0
ЛЛ4	(у)слышать	(у/па)- чуць	51,0	25,5	25,5	49	47	4	5	-1
ЛЛ5	(с)делать	(з)рабіць ²⁶	42,6	30,3	12,3	378	221	5	4	1
ЛЛ6	иметь	мець	24,4	20,0	4,4	41	30	6	6	0
ЛЛ7	(у)видеть	(у/па)ба- чыць	23,8	17,8	6,0	239	101	7	7	0
ЛЛ8	найти	знайсці	21,1	9,1	12,0	95	33	8	11	-3
ЛЛ9	бабушка	бабуля	17,9	7,4	10,6	39	68	9	17	-8
ЛЛ10	деревня	вёска	16,5	7,9	8,6	103	252	10	14	-4
ЛЛ11	дочка	дача	15,0	9,7	5,3	20	62	11	10	1
ЛЛ12	большой	вялікі	14,2	13,0	1,1	113	69	12	9	3
ЛЛ13	работать	працаваць / рабіць ²⁷	13,7	3,5	10,2	197	289	13	22	-9
ЛЛ14	учитель/ -ница	настаўнік / -ніца	12,5	5,0	7,5	48	60	14	20	-6
ЛЛ15	вопрос	пытанне	7,3	4,2	3,1	55	24	15	21	-6
ЛЛ16	хороший	добры	7,0	8,5	-1,5	100	129	16	12	4
ЛЛ17	(по)ка- заться	зда(ва)цца	5,9	2,7	3,2	51	113	17	26	-9

Продолжение табл. 4 на с. 97

²⁵ Формы множественного числа, такие как *бацькі* (здесь в оппозиции к слову *отец*), не учитываются, если они выступают в значении 'родители'.

²⁶ Ср. ЛЛ13.

²⁷ Ср. ЛЛ15.

Продолжение табл. 4. со с. 96

пере- мен- ная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛЛ18	считать	лічыць	4,2	1,1	3,0	24	87	18	28	-10
ЛЛ19	главный	галоўны	3,4	8,3	-4,9	29	24	19	13	6
ЛЛ20	строить	будаваць	3,2	0,0	3,2	63	79	20	30	-10
ЛЛ21 ²⁸	время	час	3,0	6,2	-3,1	99	178	21	19	2
ЛЛ22	спраши- вать/ спро- сить	(с/за)пыт- (в)аць	3,0	7,4	-4,4	101	27	22	16	6
ЛЛ23	красивый	прыгожы	2,4	15,2	-12,8	41	46	23	8	15
ЛЛ24	неделя	тыдзень	2,1	0,0	2,1	94	37	24	30	-6
ЛЛ25	свадьба	вясьце	1,9	0,0	1,9	52	27	25	30	-5
ЛЛ26	должен	павінен	1,7	3,1	-1,4	59	64	26	24	2
ЛЛ27 ²⁹	час	гадзіна	1,5	0,0	1,5	132	38	27	30	-3
ЛЛ28	квартира	кватэра	1,2	6,5	-5,3	86	77	28	18	10
ЛЛ29	жизнь	жыццё	0,0	7,7	-7,7	44	78	29	15	14
ЛЛ30	понимать/ понять	(з)разумець	0,0	3,2	-3,2	156	94	29	23	6
ЛЛ31	дело	справа	0,0	2,9	-2,9	56	35	29	25	4
ЛЛ32	получать/ -ить	атрым- (лів)аць	0,0	2,1	-2,1	80	47	29	27	2
ЛЛ33	(по)нра- виться	(с)пада- бацца	0,0	1,1	-1,1	80	91	29	29	0
ЛЛ34	последний	апошні	0,0	0,0	0,0	47	33	29	30	-1
ЛЛ35	интерес- ный	цікавы	0,0	0,0	0,0	20	36	29	30	-1
ЛЛ36	папа	тата	0,0	0,0	0,0	74	40	29	30	-1
ЛЛ37	хватить/ -ать	хапіць/-аць	0,0	0,0	0,0	89	51	29	30	-1

Сходство между всеми тремя областями исследованных языковых явлений состоит, прежде всего, в том, что, как у фонетических, так и у обоих типов лексических переменных, имеются переменные с явным преобладанием (около 90%) «белорусских» вариантов, но вместе с тем наблюдаются и переменные с похожим перевесом «русских» вариантов. В случае многих лексических переменных доля белорусских вариантов составляет менее 10%, что чаще отмечается у лексических слов (в семейных разговорах 23 переменных из 37), чем у функциональных (соответственно, 9 переменных из 33). Этим подтверждается сильное влияние русского языка на лексику БРСР по меньшей мере у более частотных единиц, которые были исследованы здесь.

Первое отчетливо выраженное различие между фонетическими переменными, с одной стороны, и лексическими переменными, с другой, в обоих корпусах заключается в следующем: лексически речь в интервью существенно более русская, чем в семейных разговорах; в фонетике же эта особенность отсутствует. В случае функциональных слов у 17 из 33

²⁸ Ср. ЛЛ27.²⁹ Ср. ЛЛ21.

переменных наблюдаются различия между семейными разговорами и интервью, составляющие более 10% (от общего количества), и все — в пользу русских вариантов. В случае лексических слов это касается 7 из 37 вариантов. (Только однажды отмечен противоположный случай.) То, что их меньше, чем у функциональных слов, объясняется тем, что у лексических слов только 14 из 37 переменных достигают «белорусской» доли, составляющей более 10%, и, конечно, только при таком условии возможно различие более чем в 10 процентов (от общего количества). Поэтому более точной является следующая формулировка: 7 из 14 возможных переменных выявляют явный перевес в пользу русского языка, и только 1 из 14 — в пользу белорусского. Такое различие между фонетикой и лексикой, разумеется, не удивительно: как уже было показано выше, разговор с незнакомым интервьюером является менее приватной ситуацией, чем разговор в семье или в дружеском кругу, даже если интервью происходит в квартире интервьюируемого, а сам интервьюер использует неформальную речь. Язык, доминирующий в общественной жизни Белоруссии, — русский. И единицы лексики как «самой открытой» подсистемы языка, естественно, легче контролируются в речи, чем фонетика. Это более четко проявляется и в интервью: в начале интервью речь респондентов «более русская» (и не только в лексическом плане), несмотря на то что интервьюируемые признают БРСР первичным средством коммуникации (см. выше). Фрагменты явно смешанной речи появляются, как правило, только в более поздней фазе интервью.

Следующее различие между фонетическими и лексическими переменными состоит в том, что соответствующее число наблюдаемых случаев (**кол-во**) у последних намного ниже, чем у первых. Приведенная ниже табл. 5 дает среднее арифметическое, срединный показатель — медиану (менее чувствительную по отношению к крайним величинам), минимальное и максимальное число фиксаций каждой переменной и общее число фиксаций, причем семейный корпус и интервью здесь объединены.

Таблица 5

Основные количественные данные

тип перем.	число перем.	средн. арифм.	медиана	мин.	макс.	кол-во
фонетические явления	9	9188	8726	547	24703	82695
функциональные слова	33	361	470	55	4355	22280
лексические слова	37	163	128	53	599	6038

Различия в числе наблюдаемых случаев между фонетическими и лексическими явлениями следует учитывать при последующем рассмотрении отдельных субпопуляций, дифференцированных по типам говорящих и по городам. Наряду с большим числом лексических переменных оно также связано со следующим различием.

У функциональных слов иерархии, т. е. ранги переменной по доле белорусского языка, различаются между семейными разговорами (**Р сем.**) и интервью (**Р инт.**) отчетливее (**Р разн.**), чем у фонетических явлений, показывающих только минимальные различия: только у двух переменных и только по одному рангу. Однако различие зависит также от того, что различия в процентных долях (**доля блр. сем.** либо **инт.**) у многих лексических переменных очень мала, а у нескольких минимальна. Таким образом, «смена ранга» из-за незначительной разницы, естественно, скорее случайна, чем такая же смена при большой разнице. Тем не менее у лексических переменных также наблюдается близость иерархий в семейном корпусе и корпусе интервью и, соответственно, степень «белорусской устойчивости» либо русифицированности данных переменных (если величина **доля блр. сем.** либо **инт.** невысока).

Аналитическая статистика предоставляет коэффициент корреляции Пирсона, сокращенно обозначенный в таблицах ниже как **P's-r** (ср. об этом [Field 2009]), с помощью которого

степень «белорусских» либо «русских» выражений переменных может быть точно измерена с учетом степени различий и проверена на взаимосвязь между так называемыми субпопуляциями (здесь — данными из семейных разговоров и из интервью). При этом, как правило, у статистически рассчитанных корреляций величина до 0,2 считается очень слабой, до 0,5 — слабой, до 0,7 — средней, до 0,9 — сильной и свыше 0,9 — очень сильной. Это предполагает статистическую значимость от 0,05 или менее (показатель ниже 0,01 является очень высоким показателем значимости, ниже 0,001 — крайне высоким).

Таким образом, сравнение данных из семейных разговоров и интервью с учетом указанного коэффициента дает следующую картину:

Таблица 6

Значения коэффициента Пирсона

тип перем.	P's-r	значимость	число переменных
фонетические явления	0,982	0,000	9
функциональные слова	0,944	0,000	33
лексические слова	0,944 ³⁰	0,000	37

Во всех трех областях обнаруживается очень сильная связь по контролируемым переменным при крайне высоком уровне значимости. Следовательно, результаты, полученные из семейных разговоров и находящиеся в центре внимания данного проекта, на основе сильной связи с результатами, полученными из интервью, могут быть обобщены, хотя в семейном корпусе по каждому городу учитывалась только одна семья. Наблюдаемые одинаковые результаты у участников семейных разговоров и у интервьюируемых, не связанных ни с данными семьями, ни между собой, не могут быть случайными. (Сравнение отдельных городов см. в последней части анализа, в разделе 3.3.)

3.2. Взаимоотношение между типами говорящих

Следующая часть анализа состоит в сравнении типов говорящих, описанных выше. Разделение респондентов на такие типы имеет методологический смысл только для семейных разговоров, которые характеризуются в полном объеме спонтанной речью. Интервью, в свою очередь, характеризовались значительной долей русской речи, особенно в их начале (см. выше).

При анализе связей между типами говорящих (как и в следующем разделе 3.3 — между городами) придется отказаться от подробной иллюстрации результатов для отдельных переменных в форме таблиц, как при сравнении обоих корпусов, так как в этом случае таблицы были бы огромными. Ограничимся демонстрацией полной статистики по таблицам.

Общие тенденции ясны: доля белорусских вариантов переменных уменьшается от типа ГБ к типу Р. Это очевиднее всего на примере фонетических явлений, в меньшей степени на примере функциональных слов, однако не столь очевидно на примере лексических слов. Подобная картина наблюдается также, если учесть простые величины среднего арифметического и медианы³¹, а также — в случае фонетических явлений — минимальную величину белорусской доли у соответствующих переменных:

³⁰ Идентичное значение коэффициента корреляции Пирсона у функциональных и лексических слов случайно. Расчет повторялся неоднократно с помощью разных статистических программ (здесь стандартным образом использовалась SPSS) и разными сотрудниками. Значение оставалось таким же.

³¹ Значения среднего арифметического и медианы относятся здесь к относительным частотностям белорусских вариантов проанализированных переменных.

Таблица 7

Доля белорусских вариантов

тип перем.	тип	переменные	сред. арифм.	медиана	мин.	макс.
фонетические явления	ГБ	9	78,7	92,1	32,4	99,5
	Г	9	64,8	75,5	10,4	96,8
	ГР	9	60,9	71,6	10,9	96,7
	Р	9	43,8	43,5	3,4	94,8
функциональные слова	ГБ	31 ³²	51,2	56,0	0,0	100,0
	Г	33	38,4	30,5	0,0	98,2
	ГР	33	34,7	28,8	0,0	94,9
	Р	26	24,3	19,6	0,0	97,2
лексические слова	ГБ	26	17,0	0,0	0,0	100,0
	Г	36	15,8	0,0	0,0	100,0
	ГР	37	12,6	5,3	0,0	81,3
	Р	23	19,2	9,1	0,0	100,0

Относительно стабильная максимальная величина (**макс.**) свидетельствует о том, что, по меньшей мере, одна переменная выявляет стабильно высокую, почти стопроцентную (с одним исключением) «белорусскую» долю. Не следует забывать, что дифференциация данных типов основана на склонности соответствующих респондентов порождать «белорусские», «русские» или «гибридные» высказывания. (Однако в представленном здесь анализе учитывались, как было указано выше, только последние.) Это значит, что данные типы респондентов-говорящих отличаются не только разной тенденцией «выбора» (сознательного или неосознанного) одного из трех кодов, но и тем, что их «гибридные» высказывания в разной мере сохраняют «белорусские» варианты или склоняются к «русским». Это отчетливо видно на примере лексических слов, поскольку здесь русификация сильно прогрессирует³³.

Однако анализ коэффициента корреляции Пирсона снова показывает, что образцы распределения «белорусских» и «русских» вариантов либо иерархии переменных относительно сохранения белорусского языка или, наоборот, относительно склонности к русификации в высшей степени коррелируют между собой, т. е. являются стабильными. Связь была проверена сравнением отдельных типов между собой.

Таблица 8

Анализ коэффициента корреляции Пирсона

типы		фонетические явления			функциональные слова			лексические слова		
1	2	P's-r	значим.	пер.	P's-r	значим.	пер.	P's-r	значим.	пер.
ГБ	Г	0,907	0,000	9	0,841	0,000	31	0,923	0,000	25
ГБ	ГР	0,847	0,002	9	0,850	0,000	31	0,823	0,000	26
ГБ	Р	0,706	0,017	9	0,694	0,000	25	0,899	0,000	20
Г	ГР	0,980	0,000	9	0,867	0,000	33	0,811	0,000	36
Г	Р	0,863	0,001	9	0,863	0,000	26	0,871	0,000	23
ГР	Р	0,929	0,000	9	0,894	0,000	26	0,877	0,000	23

³² Относительно функциональных и лексических слов в некоторых субпопуляциях количество наблюдаемых случаев слишком мало. Поэтому здесь, как и в следующем анализе корреляций, учитывались только те переменные, которые наблюдались минимум пять раз.

³³ Учитывая также исследования [Hentschel 2008b; 2014a; Хентшель 2013; Менцель, Хентшель 2014], можно предположить, что чисто грамматические элементы, прежде всего местоимения, а также флексивные морфемы лексических слов «ведут себя», скорее, как функциональные слова.

В последней таблице везде засвидетельствована сильная (или даже очень сильная) связь за одним исключением: показатель связи функциональных слов между типами ГБ vs. Р (0,694), причем не сильно отличающийся от величины 0,7, как предельной величины сильной взаимосвязи.

Предварительный вывод: независимо от того, в какой степени речь говорящих русифицирована, образец иерархической градации сохранения белорусских вариантов или, наоборот, предпочтения русских вариантов остается очень стабильным.

3.3. Взаимоотношение между городами

Снова, как и при анализе типов говорящих, исключаются такие пары, которые в одном из двух взятых городов представлены менее пяти раз. Поскольку общая масса наблюдений распадается на семь или шесть «субпопуляций», то максимальное число переменных не достигается ни в одном случае даже у фонетических явлений, где переменная Ф9 в целом представлена относительно слабо, так что ее детальное рассмотрение по городам невозможно. Повторим список городов с сокращениями: Октябрьский (ak), Барановичи (ba), Хотимск (ch), Минск (mi), Рогачев (ra), Сморгонь (sm), Шарковщина (sa).

Таблица 9

Коэффициент корреляции Пирсона: фонетические явления

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 9)	гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 9)
ak	ba	0,875	0,001	9	ak	ch	0,864	0,003	8
ak	ch	0,890	0,002	8 ³⁴	ak	ra	0,753	0,010	9
ak	mi	0,922	0,000	9	ak	sa	0,830	0,003	9
ak	ra	0,889	0,001	9	ak	sl	0,763	0,008	9
ak	sa	0,961	0,000	9	ak	sm	0,778	0,007	9
ak	sm	0,913	0,000	9	ch	ra	0,861	0,003	8
ba	ch	0,948	0,000	8	ch	sa	0,978	0,000	8
ba	mi	0,921	0,000	9	ch	sl	0,754	0,015	8
ba	ra	0,949	0,000	9	ch	sm	0,940	0,000	8
ba	sa	0,874	0,001	9	ra	sa	0,869	0,001	9
ba	sm	0,960	0,000	9	ra	sl	0,917	0,000	9
ch	mi	0,916	0,001	8	ra	sm	0,922	0,000	9
ch	ra	0,897	0,001	8	sa	sl	0,815	0,004	9
ch	sa	0,868	0,003	8	sa	sm	0,960	0,000	9
ch	sm	0,972	0,000	8	sl	sm	0,898	0,000	9
mi	ra	0,944	0,000	9					
mi	sa	0,970	0,000	9					
mi	sm	0,915	0,000	9					
ra	sa	0,939	0,000	9					
ra	sm	0,878	0,001	9					
sa	sm	0,872	0,001	9					

³⁴ Как и в предыдущем анализе корреляций, учитывались только те переменные в парах, которые наблюдались минимум пять раз, здесь в каждом из двух городов.

Результаты относительно фонетических явлений однозначны: наблюдаются исключительно сильные связи. Поскольку выбранные семь (семейные разговоры) или шесть (интервью) городов находятся в разных частях страны, вполне обоснованно обобщать данные результаты и проецировать их на территорию всей страны.

Таблица 10

Коэффициент корреляции Пирсона: функциональные слова

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 33)	гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 33)
ak	ba	0,683	0,000	29	ak	ch	0,842	0,000	28
ak	ch	0,802	0,000	28	ak	ra	0,893	0,000	26
ak	mi	0,670	0,000	29	ak	sa	0,618	0,000	29
ak	ra	0,766	0,000	28	ak	sl	0,651	0,000	24
ak	sa	0,556	0,001	28	ak	sm	0,775	0,000	26
ak	sm	0,685	0,000	29	ch	ra	0,827	0,000	26
ba	ch	0,718	0,000	28	ch	sa	0,729	0,000	28
ba	mi	0,726	0,000	29	ch	sl	0,593	0,001	24
ba	ra	0,768	0,000	28	ch	sm	0,747	0,000	26
ba	sa	0,666	0,000	29	ra	sa	0,682	0,000	27
ba	sm	0,751	0,000	28	ra	sl	0,701	0,000	23
ch	mi	0,632	0,000	30	ra	sm	0,684	0,000	25
ch	ra	0,833	0,000	29	sa	sm	0,814	0,000	28
ch	sa	0,690	0,000	30	sl	sa	0,473	0,004	31
ch	sm	0,742	0,000	30	sl	sm	0,629	0,000	25
mi	ra	0,711	0,000	30					
mi	sa	0,842	0,000	30					
mi	sm	0,777	0,000	30					
ra	sa	0,722	0,000	29					
ra	sm	0,788	0,000	29					
sa	sm	0,785	0,000	30					

Таблица 11

Лексические слова

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 37)	гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 37)
ak	ba	0,862	0,000	19	ak	ch	0,656	0,000	23
ak	ch	0,779	0,000	23	ak	ra	0,713	0,000	25
ak	mi	0,832	0,000	18	ak	sa	0,723	0,000	27
ak	ra	0,831	0,000	26	ak	sl	0,827	0,000	21
ak	sa	0,518	0,020	16	ak	sm	0,267	0,094 ³⁵	26
ak	sm	0,740	0,000	26	ch	ra	0,928	0,000	22

Продолжение табл. 11 на с. 103

³⁵ Показатели, выделенные курсивом, являются статистически незначимыми.

Продолжение табл. 11 со с. 102

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-g	значим.	перем. (из 37)	гор. 1	гор. 2	P's-g	значим.	перем. (из 37)
ba	ch	0,691	0,000	21	ch	sa	0,934	0,000	21
ba	mi	0,777	0,000	20	ch	sl	0,657	0,001	20
ba	ra	0,805	0,000	22	ch	sm	0,406	0,042	19
ba	sa	0,376	0,103	13	ra	sa	0,742	0,000	25
ba	sm	0,641	0,000	23	ra	sl	0,738	0,000	20
ch	mi	0,827	0,000	21	ra	sm	0,439	0,021	22
ch	ra	0,811	0,000	27	sa	sm	0,194	0,167	27
ch	sa	-0,116	0,323	18	sl	sa	0,781	0,000	32
ch	sm	0,666	0,000	28	sl	sm	0,228	0,160	21
mi	ra	0,668	0,000	22					
mi	sa	0,524	0,022	15					
mi	sm	0,662	0,000	23					
ra	sa	-0,152	0,259	21					
ra	sm	0,581	0,000	32					
sa	sm	0,251	0,136	21					

Совершенно очевидно, что величины корреляций между лексическими единицами (прежде всего лексическими словами в отличие от функциональных) ниже, чем между фонетическими. В некоторых немногочисленных случаях наблюдается как для функциональных, так и для лексических слов только слабая связь между отдельными рассмотренными городами (см. ниже). Характерная специфика отдельных городов здесь не может быть подробно исследована. Сначала представим обзор показателей связи между фонетическими явлениями, функциональными и лексическими словами, причем показатели из семейных разговоров и интервью суммированы: в семейных разговорах в трех областях была зарегистрирована 21 корреляция, в интервью — 15 корреляций (на основе пар городов), итого вместе — 36. В целом, корреляции несколько сильнее выражены в семейных разговорах, чем в интервью. Это неудивительно, если учесть, что речь в интервью больше варьируется между «общественным» и «частным» регистром, чем в семейном или дружеском кругу.

Таблица 12

Количество и степень связи

P's-g	абсолютно				в процентах			
	фонет. явл.	функц. сл.	лекс. сл.	вместе	фонет. явл.	функц. сл.	лекс. сл.	вместе
очень сильная	18	—	2	20	50,0	0,0	5,6	18,5
сильная	18	22	15	55	50,0	61,1	41,7	50,9
средняя	—	13	10	23	0,0	36,1	27,8	21,3
слабая	—	1	2	3	0,0	2,8	5,6	2,8
не значимая	—	—	7	7	0,0	0,0	19,4	6,5
вместе	36	36	36	108	100,0	100,0	100,0	100,0

Наиболее существен следующий результат: в целом из 108 проверенных связей между городами, находящимися в самых разных частях страны, сильная (или даже очень сильная) связь установлена для 75, т. е. 70%. В 23 из 108 случаев, в свою очередь, установлена

средняя связь; это примерно 20%. Таким образом, сравнение городов указывает на очень сильную когерентность языковых данных в БРСР по всей стране.

Кроме того, данные величины отражают вышеупомянутую тенденцию: корреляции между городами в лексической области выражены слабее. Это происходит по двум причинам. Прежде всего, ареальная дифференциация в лексике значительна, поскольку лексика является открытой системой. Причем традиционная, диалектная ареальная дифференциация представляет собой только один аспект. Другой аспект связан с социальной структурой городов: создание больших предприятий или других государственных учреждений в белорусских городах привлекало не только собственное сельское население, но и, как правило, также приезжих из других республик Советского Союза, русскоязычных в своей массе [Zaprudski 2007]. Это в большой степени повлияло на социолингвистическую реальность. Возможность проверки обоих параметров относительно исследованных городов и контролируемых переменных в лингвосоциологическом плане невозможна, а в диалектном очень ограничена³⁶. В качестве особенности можно отметить только следующее: все случаи слабых корреляций или отсутствия корреляций обнаруживаются в семейном корпусе и в корпусе интервью при сравнении с определенными городами. В семейном корпусе это Шарковщина³⁷, в корпусе интервью — Сморгонь. (Оба города находятся на периферии, недалеко от литовской границы.) Хотя в целом только в 10 случаях из 108 наблюдается слабая связь или ее отсутствие, в 9 из них — у лексических слов, и именно в обоих названных городах.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить сильные связи в образцах распределения конкурирующих вариантов, т. е. в иерархизации переменных относительно доли в них вариантов того или другого языка (в меньшей степени в величине относительных показателей), что противоречит мнению, согласно которому БРСР является конгломератом по-разному русифицированных идиолектов. Количественно градуированные различия в степени русификации отмечаются в речи отдельных носителей БРСР (или их групп) в зависимости от возраста, социальной среды, места жительства и т. д. Кроме того, степень русификации может варьировать в зависимости от ситуации беседы, темы и т. д. Если бы, однако, распределение конкурирующих белорусских и русских вариантов было индивидуальным, спонтанным, нерегулярным или даже хаотичным, то описанные выше стабильные образцы были бы невозможны. Это значит, что в основе БРСР лежит определенная систематичность, которую можно было бы назвать БРСЛ (белорусско-русский смешанный лект) по аналогии с английским термином «fused lect». Приняв этот термин, можно было бы, с одной стороны, избежать уничижительного, стигматизирующего термина «трасянка», а с другой стороны — более точно выразить ту мысль, что в данном случае перед нами нечто большее, чем просто конгломерат окказиональных, индивидуальных феноменов смешанной речи.

³⁶ В данной статье только при исследовании фонетических явлений систематически учитывались диалектные аспекты. Таким образом, например, город Хотимск не был учтен для переменной Ф4 (твердый блр. [r] вместо мягкого русск. [rʲ]), так как в соответствующих местных белорусских говорах позиция /r/ vs. /rʲ/ функционирует так же, как в русском языке. Это постоянно отражалось в данных корпуса: почти никогда не встречался твердый [r] на месте русского [rʲ]; ср. [Hentschel, Zeller 2014]. Подобный подход был невозможен для лексических переменных. По большинству обсуждаемых здесь переменных авторитетные пособия справок не дают, для многих переменных они неоднозначны. При детальных исследованиях соответствующая диалектная информация была по возможности, т. е. в отдельных случаях, учтена [Генцэль 2013; Hentschel 2014c], однако она не могла быть учтена при расчетах. Таким образом, лексические корреляции, особенно в случае лексических слов с их менее значительной частотностью, более чувствительны к ареальным, не в последнюю очередь диалектным влияниям.

³⁷ Об особенностях данных из Шарковщины в области морфологии см. [Менцель, Хентшель 2014].

В представленных стабильных образцах заключается узус таких высоковариативных суб-стандартов, как БРСР. Иногда образцы закрепляются за крайними величинами иерархий. Таким образом, закрепляются, или конвенционализируются, варианты либо белорусского, либо русского происхождения. Конечно же, эти варианты также могут в спонтанной речи заменяться другими. (Речь идет о наложении спонтанного смешивания на конвенционализированное, что, в частности, было описано П. Ауэром [Auer 1999].) Часто в таких случаях можно говорить о сознательном стилистическом оформлении речи, когда, например, в неофициальной речи белорусов встречается русский [g] вместо белорусского [ɣ] (Ф2) или, наоборот, вместо русского *да* встречается белорусский вариант *так* (ЛФ32).

Однако для большинства переменных характерно присутствие вариантов обоих языков, что не вызывает удивления, так как оба языка находятся в употреблении (хотя и с разной степенью интенсивности и экстенсивности). Если мы согласимся с тем, что говорящие имеют представление об адекватной чистоте конкурирующих вариантов (в смысле [Chambers 2002: 350—351]), то можно нарисовать следующую картину для носителя БРСР (и для носителя русского просторечия, который в состоянии говорить и на литературном языке в его разговорном варианте). На ранней стадии языковой социализации носитель языка усваивает характерные для его семьи и ближайшего окружения знания об адекватной частотности отдельных вариантов. Взрослея, он усваивает способность изменять количественные соотношения между вариантами множества фонетико-фонологических, морфологических, лексических и др. переменных в различных коммуникативных контекстах вне семейного окружения. Возможны ситуации, когда образованные белорусы могут в контекстах, требующих литературного русского языка, «подавлять» в своей речи (почти) все белорусские варианты (таким же образом в контекстах, требующих белорусского языка, они могут подавлять все русские варианты в том случае, если хорошо усвоили белорусский язык)³⁸. В то же время дома, например, в разговоре с родителями, такие говорящие могут возвращаться к своим старым формам речи, т. е. к БРСР, что проявляется, в первую очередь, в таких переменных, белорусские и русские варианты которых представлены в БРСР. Из лингвоидеологических соображений, под влиянием значительной стигматизации БРСР, другие говорящие, конечно, могут принять решение по возможности избегать употребления БРСР. Но даже если в случае различных переменных доля одного и другого языков в БРСР оказывается у субпопуляций несколько различающейся, что наблюдается у разных типов говорящих (ГБ, Г, ГР, Р), то описанные иерархические образцы остаются в значительной мере стабильными. Конечно, смешанная речь типа Р существенно «менее белорусская», чем речь других трех типов. Не исключено, что тип Р представляет собой тип среднего белоруса будущего. Если русский язык еще больше укоренится в Белоруссии, вытесняя при этом не только белорусский язык, но частично и БРСР³⁹, то под типом говорящих Р можно будет понимать русскоговорящих белорусов, сохраняющих в своей непринужденной речи различные явления белорусского языка. Тем не менее для всех названных типов говорящих пока характерны одинаковые иерархии переменных относительно их тенденций оставаться стабильно белорусскими либо же русифицироваться. Таким образом, узус в БРСР следует искать в иерархически упорядоченном соотношении отдельных переменных по степени их русификации. В общеструктурном плане вероятность «русификации переменной» в БРСР зависит от ее локализации в так называемой универсальной «*bowgowing hierarchy*» (см. [Field 2002: 34—40]), т. е. в иерархии склонности элементов к тому, чтобы быть заимствованными. Здесь речь идет о различиях между такими структурными областями, как фонетика и фонология, флективная морфология, функциональная лексика, семантическая лексика, дискурсивные маркеры и т. д. Универсальная иерархия не являлась темой данного исследования; см. об этом [Хентшель 2013: 73—74].

³⁸ См. [Хентшель 2013: 61—62] о модели усвоения языка теми белорусами, чья первичная социализация происходит на БРСР.

³⁹ О молодом поколении белорусов см. [Hentschel et al. 2015].

В настоящем исследовании речь шла об иерархиях внутри этих структурных областей, т. е. об иерархиях, которые являются специфическими для контактирующих языков. Рассматривались три такие структурные области: фонетика и фонология, функциональная лексика, семантическая лексика. В одних случаях в пределах этих структурных областей русификация переменной приближается к нулю, что, однако, еще не исключает употребления отдельных русских вариантов в качестве стилистического средства (в широком смысле). В других случаях она приближается к показателю 100%, что, в свою очередь, допускает употребление белорусских вариантов в качестве стилистического средства. В случае же огромного числа белорусских и русских вариантов характерно менее предельное количественное распределение в БРСР. Это распределение может изменяться в зависимости от коммуникативного контекста, но иерархическая последовательность отдельных переменных при этом сохраняется⁴⁰.

Представленная здесь модель научного описания включает предложенную И. В. Лисковец [2006] идею «русско-белорусского языкового континуума». По ее мнению, его крайними точками являются более или менее стандартные русский и белорусский языки. Это линейное, одномерное понятие континуума, безусловно, придется дополнить в том смысле, что белорусская сторона экстремума определяется не только белорусским литературным языком, но и так же, если не сильнее, белорусскими диалектами; ср [Hentschel 2008a: 171; Хентшель 2013: 70—71]⁴¹. Однако сомнительным является принятие дискретного «членения» континуума с поэтапными кодами перехода. И. В. Лисковец [2006] постулирует между этими двумя экстремумами, кроме трасянки, две близкие, но не идентичные формы белорусского диалекта русского языка: городской и сельский. В более ранней работе [Лисковец 2003] она также различает сильную и слабую трасянку, но указывает на трудности их разграничения в речи⁴². Н. Б. Мечковская [Mečkovskaja 2014: 72] принимает подобный континуум речевых типов с экстремумами «белорусская литературная речь на основе белорусского литературного языка» и «русская литературная речь на основе русского литературного языка в Белоруссии» (перевод мой. — Г. Х.). Между ними она выделяет пять промежуточных типов (три из них она относит к трасянке), но признает, что все эти речевые типы, особенно «соседние» в «ступенчатом» континууме, невозможно эмпирически разграничить.

Наш анализ подтверждает проблематичность или даже невозможность эмпирического разграничения отдельных промежуточных кодов даже тогда, когда анализ сконцентрирован на одном из двух корпусов. Тот факт, что БРСР представляется в корпусе интервью как «более русская», является естественным, так как интервью — это более формальная ситуация общения, чем разговор в семье или с друзьями. Те модели описания, которые сначала постулируют разные коды или типы речи, а потом стремятся к выявлению вариативности «внутри них», определенно соответствуют традиционному структуралистскому мышлению. Однако если предполагаемые промежуточные коды эмпирически почти никогда не встречаются (по крайней мере, приблизительно) в «чистом виде», но всегда значительно перекрывают друг друга и, следовательно, не являются строго разграниченными, то возникает

⁴⁰ Между прочим, данная модель объясняет белорусские интерференции в речи и высокообразованных белорусов, хорошо владеющих русским языком. Белорусскими крайними значениями названных иерархий являются такие белорусские варианты, которые, как правило, появляются (или могут появляться) в речи образованных белорусов.

⁴¹ Как известно, некоторые белорусские диалекты в определенных структурных переменных могут быть ближе к литературному русскому языку, чем к литературному белорусскому; см. [Ramza 2008: 316—320].

⁴² Постулируемые И. Лисковец варианты не подтверждаются в ее эмпирических анализах. Она концентрируется на трасянке в Минске, где та, согласно нашим данным (см. [Хентшель, Киттель 2011]), выражена слабее всего. (Доминирующий метод в анализе Лисковец, а именно проводимые ею самой неформальные разговоры и интервью, в которых она использовала, как правило, русский язык, сегодня, конечно же, не применяется в качестве эффективного средства исследования аутентичной речи.)

вопрос, способствует ли их выделение углублению знания о предмете: каким образом можно определить варьирование единиц внутри них? Кроме того, критерии, которые используют И. Лисковец и Н. Мечковская для разграничения своих промежуточных типов, сильно различаются. Так что возникает вопрос о том, сколько промежуточных типов следует принять и какие критерии разграничения должны быть выбраны⁴³.

Среди различных аспектов, которые используют Лисковец и Мечковская для различения своих типов, речь идет о тех, которые несомненно имеют значение для более сильного белорусского или более сильного русского выражения БРСР. В «деревне» она в среднем более белорусская, в «городе» более русская. Видимо, здесь можно предложить градацию такого вида: «деревня, небольшой город, средний город, большой город», на которую дополнительно могут быть наложены такие критерии, как индустриальная или аграрная ориентация местожительства или окружения. Также определенную роль играет первичная языковая социализация, соответствующая типологии Н. Мечковской. То обстоятельство, как сильно были представлены в первичной языковой социализации и в школьном образовании белорусский и русский элементы, отразится на БРСР говорящего. Но эти критерии находятся в ряду других, таких как:

- возраст говорящего (чем моложе, тем сильнее тенденция к «более русской» БРСР);
- стиль (чем формальнее, тем сильнее склонность в БРСР к русскому)⁴⁴;
- образование (чем ниже, тем меньше отличается БРСР от кода первичной языковой социализации);
- доминирующий код в повседневной жизни (чем выше профессиональный статус, тем сильнее позиции русского в БРСР)⁴⁵;
- диалектная или территориальная подоплека (чем сильнее структурный разрыв между белорусскими диалектами и русским литературным языком, тем «более белорусской» будет БРСР);
- адресат речи (чем старше житель, чем ниже его социальный статус и степень урбанизации его происхождения, тем более белорусской будет БРСР его собеседника при условии, что собеседник захочет «подстроиться под адресата» в языковом отношении) и т. д.

Представленная здесь модель описания вариативности БРСР последовательно отказывается от постулирования в языковом пространстве Белоруссии промежуточных кодов между белорусским и русским полюсами, эмпирическое разграничение которых является проблематичным или даже невозможным. Отмечается тот факт, что БРСР в конкретных коммуникативных ситуациях получается либо «более белорусской», либо «более русской» в зависимости от разнообразных критериев, которые сами по себе являются континуумами. Константы варьирования белорусских и русских (и гибридных) единиц в БРСР и, таким образом, их узус можно определить, во-первых, через лишь упомянутую здесь универсальную иерархию заимствований элементов в различных структурных сферах и, во-вторых, через представленные здесь специфические для языковых пар иерархии внутри таких структурных

⁴³ Очевидно, следовало бы определить различные территориальные варианты БРСР с точки зрения проявления в них отличительных черт автохтонного диалектного субстрата. Эти «тряснотные региолекты» отличаются друг от друга меньше, чем белорусские диалекты, по причине нивелирующего влияния русского и (слабее) белорусского стандартных (литературных) языков; см. [Хентшель 2013: 69—71]. То, что белорусский субстрат выявляется в БРСР, было показано на основе фонетического и фонологического анализа нашего корпуса; ср. [Hentschel, Zeller 2014]. Для полного описания процессов региолектизации в Белоруссии требуется более обширный фактический материал.

⁴⁴ Некоторыми формальными ситуациями, в которых ожидаемым является белорусский литературный язык, можно пренебречь.

⁴⁵ Это не распространяется на тех официальных лиц, для которых белорусский литературный язык является необходимой составной частью профессионального или социального имиджа (например, в учреждениях культуры и образования).

областей. Роль обеих, в отличие от промежуточных кодов различных видов, можно эмпирически определить количественными методами.

К перспективе дальнейшего исследования типа «перцептивной социолингвистики»⁴⁶ относится решение ряда вопросов.

1. Воспринимаются ли широкими слоями белорусского общества разные количественные констелляции в распределении белорусских и русских единиц в речи как различные коды?
2. Являются ли определенные структурно-языковые переменные более важными критериями для такой классификации?
3. Какую роль в этом играет социальное и ареальное разнообразие белорусского населения?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Генцэль 2013 — Генцэль Г. Размеркаванне беларускіх і рускіх варыянтаў структурных слоў у беларуска-рускім мяшаным маўленні // *Веснік БДУ*. Серыя 4. 2013. № 2. С. 52—61. [Hentschel G. Distribution of Belarusian and Russian variants of structure words in the Belarusian-Russian mixed speech. *Vesnik BDU*. Ser. 4. 2013. No. 2. Pp. 52—61.]
- Герд 1998 — Герд А. С. Дialeкт — региолект — просторечие // *Русский язык в его функционировании*. М.: Наука, 1998. С. 20—21. [Gerd A. S. Dialect — regiolect — vernacular. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii*. Moscow: Nauka, 1998. Pp. 20—21.]
- Герд 2005 — Герд А. С. Введение в этнолингвистику. 2-е изд. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2005. [Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to ethnolinguistics]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2005.]
- Запрудскі 2009 — Запрудскі С. М. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянякі», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // *Arche*. 2009. № 11—12. С. 157—200. [Zaprudski S. M. Some remarks on the study of «trasyanka», or Challenges for the Belarusian humanities and social sciences. *Arche*. 2009. No. 11—12. Pp. 157—200.]
- Крысин 2001 — Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1. С. 90—106. [Krysin L. P. The modern Russian intellectual: An attempt of a speech portrait. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. No. 1. Pp. 90—106.]
- Крысин 2007 — Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2(14). С. 5—17. [Krysin L. P. The Russian literary norm and modern speech practice. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2(14). Pp. 5—17.]
- Курцова 2010 — Курцова В. М. Беларускае дыялектнае маўленне: новыя лексічныя сродкі, іх лінгвістычны статус і грамадская ацэнка // Анісім А. (рэд.). Матэрыялы канферэнцыі «Сучасны стан беларускай мовы і дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў па яе паляпшэнні». Мінск: [б. в.], 2010. С. 18—31. [Kurtsova V. M. The Belarusian dialectal spoken language: New lexical means, their linguistic status and social evaluation. *Matjeryjaly kanferjencyi «Suchasny stan belaruskaj movy i dzejnasc gramadskih ab'jadnannjau pa jago paljapshjenni»*. Anisim A. (ed.). Minsk: [b. v.], 2010. Pp. 18—31.]
- Лисковец 2002 — Лисковец И. В. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // *Антропология. Фольклористика. Лингвистика*. 2002. Вып. 2. С. 329—343. [Liskovets I. V. Trasyanka: Origin, nature, functioning. *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika*. 2002. No. 2. Pp. 329—343.]
- Лисковец 2003 — Лисковец И. В. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве. Беларусь. <http://www.eu.spb.ru> (Просмотрено: июль 2006) [Liskovets I. V. *Novye yazyki novykh gosudarstv: yavleniya na styke blizkorodstvennykh yazykov na postsovetском prostranstve. Belarus'* [New languages of new states: Phenomena at the confluence of sister languages in the post-Soviet space. Belarus. Available at: <http://www.eu.spb.ru> (July 2006).]
- Лисковец 2006 — Лисковец И. В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. [Liskovets I. V. *Russkii i belorusskii yazyki v Minske: problemy bilingvizma i otnosheniya*

⁴⁶ Ср. с концепцией «перцептивной диалектологии» [Preston 1999].

- k yazyku. Kand. diss.* [Russian and Belarusian in Minsk: Problems of bilingualism and the attitude to language. Cand. diss.]. St. Petersburg: European Univ. at St. Petersburg, 2006.]
- Менцель, Хентшель 2014 — Менцель Т., Хентшель Г. Вплив російської мови на флексивну морфологію білорусько-російського та українсько-російського змішаного мовлення // *Мовознавство*. 2014. № 1. С. 32—57. [Menzel T., Hentschel G. The influence of Russian on the inflectional morphology of the Belarusian-Russian and Ukrainian-Russian mixed speech. *Movoznavstvo*. 2014. No. 1. Pp. 32—57.]
- Мечковская 1994 — Мечковская Н. Б. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // *Russian Linguistics*. 1994. Vol. 18. № 1. С. 299—322. [Mechkovskaya N. B. The linguistic situation in Belarus: Ethical collisions of bilingualism. *Russian Linguistics*. 1994. Vol. 18. No. 1. Pp. 299—322.]
- Мечковская 2000 — Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000. [Mechkovskaya N. B. *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 2000.]
- Мечковская 2005 — Мечковская Н. Б. Белорусская трасянка и украинский суржик: суррогаты этнического субстандарта в их отношении к литературным языкам // Проблемы зівставної семантики: 36. наук. статей. Вип. 7. Київ: Видав. центр КНЛУ, 2005. С. 109—115. [Mechkovskaya N. B. The Belarusian trasyanka and the Ukrainian surzhik: Surrogates of ethnic substandard in their relations to standard languages. *Problemy zistavnoi'semantyky: Zb. nauk. statej*. No. 7. Kyi'v: Vydav. centr KNLU, 2005. Pp. 109—115.]
- Мячкоўская 2007 — Мячкоўская Н. Б. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // *Веснік БДУ*. Сер. 4. 2007. № 1. С. 91—97. [Mjachkoŭskaja N. B. Trasyanka in the continuum of the Belarusian-Russian idiolects: Who and when speaks trasyanka? *Vesnik BDU*. Ser. 4. 2007. No. 1. Pp. 91—97.]
- Мячкоўская 2008 — Мячкоўская Н. Б. Мовы і культура Беларусі. Нарысы. Мінск: Права і эканоміка, 2008. [Mjachkoŭskaja N. B. *Movy i kul'tura Belarusi*. *Narysy* [Languages and culture of Belarus. Essays]. Minsk: Prava i ekanomika, 2008.]
- Пауль 1960 — Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. [Paul H. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1960.]
- Рамза 2011 — Рамза Т. Р. Беларускае гутарковае маўленне: сучасны стан. Мінск: Вышэйшая школа, 2011. [Ramza T. R. *Belaruskae gutarkovae mawlenne: suchasny stan* [Belarusian spoken language: Current state]. Minsk: Vyshejšhaja shkola, 2011.]
- Супрун 1987 — Супрун А. Е. Содержание обучения русскому языку в белорусской школе. Минск: Вышэйшая школа, 1987. [Suprun A. E. *Soderzhanie obucheniya russkomu yazyku v belorusskoi shkole* [The content of teaching Russian in Belarusian schools]. Minsk: Vyshejšhaja shkola, 1987.]
- Тараненко 2013 — Тараненко О. Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «суржику» (UPC): сукупність ідіолектів vs. соціолект // Hentschel G. (Hrsg.). *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 21). Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. С. 27—63. [Taranenko O. Variability vs. stability in the structure of the Ukrainian-Russian surzhik (URS): Combination of idiolects vs. sociolect. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 21). Hentschel G. (Hrsg.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. Pp. 27—63.]
- Хентшель 2013 — Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 53—76. [Hentschel G. Belarusian, Russian, and Belarusian-Russian mixed speech. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 53—76.]
- Хентшель 2015 — Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // Языковой контакт. Сб. научных статей. Минск: РИВШ, 2015. С. 172—186. [Hentschel G. Belarusian-Russian mixed speech («trasyanka»): Eight questions and answers. *Jazykovoï kontakt. Sb. nauchnykh statei*. Minsk: RIVSh, 2015. Pp. 172—186.]
- Хентшель, Киттель 2011 — Хентшель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: Мнения белорусов о распространенности языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62—78. [Hentschel G., Kittel B. The linguistic situation in Belarus: Opinions of the Belarusians about the incidence of languages in the country. *Sotsiologiya*. 2011. No. 4. Pp. 62—78.]
- Хентшель и др. 2016 — Хентшель Г., Целлер Я. П., Теш С. *Ольденбургский корпус белорусско-русской смешанной речи: ОК-БРСР. Документация*. Ольденбург: BIS, 2016. [Hentschel G., Zeller J. P., Tesch S. *Ol'denburgskii korpus belorussko-russkoi smeshannoi rechi: OK-BRSR. Dokumentatsiya* [Oldenburg corpus of the Belarusian-Russian mixed speech. OC-BRMS. Documentation]. Oldenburg: BIS, 2016. Available at: <http://oops.uni-oldenburg.de/2629/>]

- Цыхун 1998 — Цыхун Г. А. «Трасянка» як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Сямешка Л. І., Прыгодзіч М. Р. (рэд.). Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя. Мінск, 1998. С. 83—89. [Tsykhun G. A. «Trasyanka» as an object of linguistic research. *Belaruskaja mova w drugoj palove XX stagoddzja*. Sjameshka L. I., Prygodzich M. R. (eds.). Minsk, 1998. Pp. 83—89.]
- Цыхун 2000 — Цыхун Г. А. Крэалізаваны прадукт. Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Arche (пачатак). 2000. № 6. С. 51—58. [Tsykhun G. A. Creolized product. «Trasyanka» as an object of linguistic research. *Arche (pachatak)*. 2000. No. 6. Pp. 51—58. Available at: <http://arche.home.by/>.]
- Яхнов 1987 — Яхнов Г. [Рец. на:] Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (ред.). Городское просторечие — проблемы изучения. Москва, 1987 // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11. С. 87—95. [Jachnow H. [Review of:] Zemskaya E. A., Shmelev D. N. (eds.). *Gorodskoe prostorechie — problemy izucheniya* [Urban vernacular — problems of research]. Moscow, 1987. *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. Pp. 87—95.]
- Auer 1999 — Auer P. From codeswitching via language mixing to fused lects: Towards a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*. 1999. № 3(4). Pp. 309—332.
- Bayley 2002 — Bayley R. The quantitative paradigm. *The handbook of variation and change*. Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2002. Pp. 117—141.
- Brandes 2014 — Brandes O. *Die weißrussisch-russische gemischte Rede als Subvarietät im Vergleich zu russischen nicht-hochsprachlichen Varietäten und Weißrussisch: Phänomene der Flexionsmorphologie*. (Dissertation Universität Oldenburg). Available at: <http://oops.uni-oldenburg.de/2419/>.
- Brüggemann 2014 — Brüggemann M. Die weißrussische und die russische Sprache in ihrem Verhältnis zur weißrussischen Gesellschaft und Nation: *Ideologisch-programmatische Standpunkte politischer Akteure und Intellektueller 1994 — 2010*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014. (= Studia Slavica Oldenburgensia 23).
- Chambers 2002 — Chambers J. K. Patterns of variation including change. *The handbook of language variation and change*. Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2002. Pp. 349—372.
- Cychun 2013 — Cychun H. *Studien zur «Trasjanka»*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. (= Studia Slavica Oldenburgensia 22).
- Cychun 2014 — Cychun H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 163—172.
- Del Gaudio 2010 — Del Gaudio S. *On the nature of Suržyk: A double perspective*. München: Otto Sagner, 2010. (= Wiener Slavistischer Almanach — Sonderband 75).
- Field 2002 — Field F. W. *Linguistic borrowing in bilingual contexts*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Field 2009 — Field A. *Discovering statistics using SPSS*. 3rd ed. Los Angeles (CA): SAGE, 2009. Pp. 170—179.
- Flier 2008 — Flier M. Suržyk or suržyks. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*. Hentschel G., Zaprudski S. (eds.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. Pp. 39—56. (= Studia Slavica Oldenburgensia 17).
- Hentschel 2008a — Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka». *Slavistische Linguistik* 2006/2007. Kosta P., Weiss D. (Hrsg.). München: Otto Sagner, 2008. S. 169—219. (= Slavistische Beiträge 464).
- Hentschel 2008b — Hentschel G. On the development of inflectional paradigms in Belarusian Trasjanka: The case of demonstrative pronouns. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*. Hentschel G., Zaprudski S. (Hrsg.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. S. 99—133. (= Studia Slavica Oldenburgensia 17).
- Hentschel 2013 — Hentschel G. Zwischen Variabilität und Regularität, «Chaos» und «Usus»: Zu Lautung und Lexik in der weißrussisch-russischen gemischten Rede. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Hentschel G. (Hrsg.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. S. 63—99. (= Studia Slavica Oldenburgensia 21).
- Hentschel 2014a — Hentschel G. Belarusian and Russian in the mixed speech of Belarus. *Congruence in contact-induced language change: Language families, typological resemblance, and perceived similarity*. Besters-Dilger Ju., Dermarkar C., Pfänder S., Rabus A. (eds.). Berlin: de Gruyter, 2014. Pp. 93—121.
- Hentschel 2014b — Hentschel G. «Trasjanka» und «Suržyk» — zum Mischen von Sprachen in Weißrussland und der Ukraine. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 1—26.

- Hentschel 2014c — Hentschel G. On the systemicity of Belarusian-Russian mixed speech: The redistribution of Belarusian and Russian variants of functional words. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 195—220.
- Hentschel, Tesch 2006 — Hentschel G., Tesch S. «Trasjanka»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland. *Marginal linguistic identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties.* Stern D., Voss Chr. (Hrg.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. Pp. 213—243. (= Eurolinguistische Arbeiten 3).
- Hentschel, Zeller 2013 — Hentschel G., Zeller J. P. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2012. Vol. 70. S. 127—155.
- Hentschel, Zeller 2014 — Hentschel G., Zeller J. P. Belarusians' pronunciation: Belarusian or Russian? Evidence from Belarusian-Russian mixed speech. *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. No. 2. Pp. 229—255.
- Hentschel et al. 2014a — Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.
- Hentschel et al. 2014b — Hentschel G., Zeller J. P., Tesch S. *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR*. Oldenburg, 2014. Available at: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/> (документация на русском языке: <https://uni-oldenburg.academia.edu/GerdHentschel>).
- Hentschel et al. 2015 — Hentschel G., Zeller J. P., Geiger H., Brüggemann M. The linguistic and political orientation of young Belarusian adults between East and West or Russian and Belarusian. *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. Vol. 236. S. 133—154.
- Klimaū 2014 — Klimaū I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der parole und der langue. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 173—192.
- Liskovets 2009 — Liskovets I. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk. *International Journal of Bilingualism*. 2009. Vol. 13. Pp. 396—412.
- Lüdtke, Mattheier 2005 — Lüdtke J., Mattheier K. J. Variation — Varietäten — Standardsprachen. Wege für die Forschung. *Varietäten — Theorie und Empirie*. Lenz A. N., Mattheier K. J. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2005. S. 13—38.
- Masenko 2014 — Masenko L. Suržyk im System umgangssprachlicher Formen des Ukrainischen. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 327—342.
- Mečkovskaja 2014 — Mečkovskaja N. B. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasiethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 53—91.
- Meyerhoff 2002 — Meyerhoff M. Communities of practice. *The handbook of language variation and change*. Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2002. Pp. 526—548.
- Paul 1880/1920 — Paul H.: *Prinzipien der Sprachgeschichte*. 5th ed. Tübingen: Niemeyer, 1920.
- Preston 1999 — Preston D. R. *Handbook of perceptual dialectology*. Vol 1. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Ramza 2008 — Ramza T. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten. *Zeitschrift für Slawistik*. 2008. Vol. 3. S. 305—325.
- Romaine 1994 — Romaine S. *Language in society. An introduction to sociolinguistics*. New York: Oxford Univ. Press, 1994.
- Šumarova 2014 — Šumarova N. Der Suržyk im System nah verwandter Zweisprachigkeit: soziolinguistischer und linguistischer Aspekt. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 307—326.
- Taranenko 2014 — Taranenko O. *Ukrainisch-russischer Suržyk: Status, Bewertungen, Tendenzen, Prognosen. Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 265—288.

- Tesch 2014 — Tesch S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014. (= Studia Slavica Oldenburgensia 25).
- Weinreich et al. 1968 — Weinreich U., Labov W., Herzog M. Empirical foundations for a theory of language change. *Directions for historical linguistics: A symposium*. Lehman W. P., Malkiel Y. (eds.). Austin (TX): Univ. of Texas Proceedings, 1968. Pp. 95—188.
- Woolhiser 2013 — Woolhiser C. New speakers of Belarusian: Metalinguistic discourse, social identity, and language use. *American contributions to the 15th International congress of Slavists, Minsk, August 2013*. Bethea D. M., Bethin C. Y. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2013. Pp. 63—115.
- Woolhiser 2014 — Woolhiser C. Social and structural factors in the emergence of mixed Belarusian-Russian varieties in rural Western Belarus. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 143—152.
- Zaprudski 2007 — Zaprudski S. In the grip of replacive bilingualism: The Belarusian language in contact with Russian. *International Journal of the Sociology of Language*. 2007. Vol. 183. Pp. 97—118.
- Zaprudski 2014 — Zaprudski S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus «Trasjanka» und zur modernen Trasjankaforschung. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, S. 119—142.
- Zeller 2013a — Zeller J. P. Lautliche Variation in weißrussisch-russisch gemischter Rede. *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress, Minsk, 2013*. Kempgen S., Wingender M., Franz N., Jakiša M. (Hrsg.). München: [u. a.], 2013. S. 335—346. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände — Sborniki; 50).
- Zeller 2013b — Zeller J. P. Variation of sibilants in Belarusian-Russian mixed speech. *Language variation — European Perspectives IV: Selected papers from the 6th International Conference on language variation in Europe (ICLaVE 6), Freiburg, June 2011*. Auer P., Reina J. C., Kaufmann G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 267—280.
- Zeller 2013c — Zeller J. P. Vowel variation in Belarusian vernacular. Comments on Ramza 2011 and an instrumental-phonetic study on Belarusian Jakanne. *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. Pp. 193—207.
- Zeller 2015 — Zeller J. P. *Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2015. (= Studia Slavica Oldenburgensia 27).

Статья поступила в редакцию 18.02.2016.